Август я проводил под Петербургом, в небольшом курортном поселке на берегу Финского залива.

От моего деда, который в молодости прославился тем, что строил в тайге первые электростанции, мне остался ветхий, обшарпанный, но очень симпатичный домишко на запущенном участке, темном от заполонивших его диких кустов и деревьев.

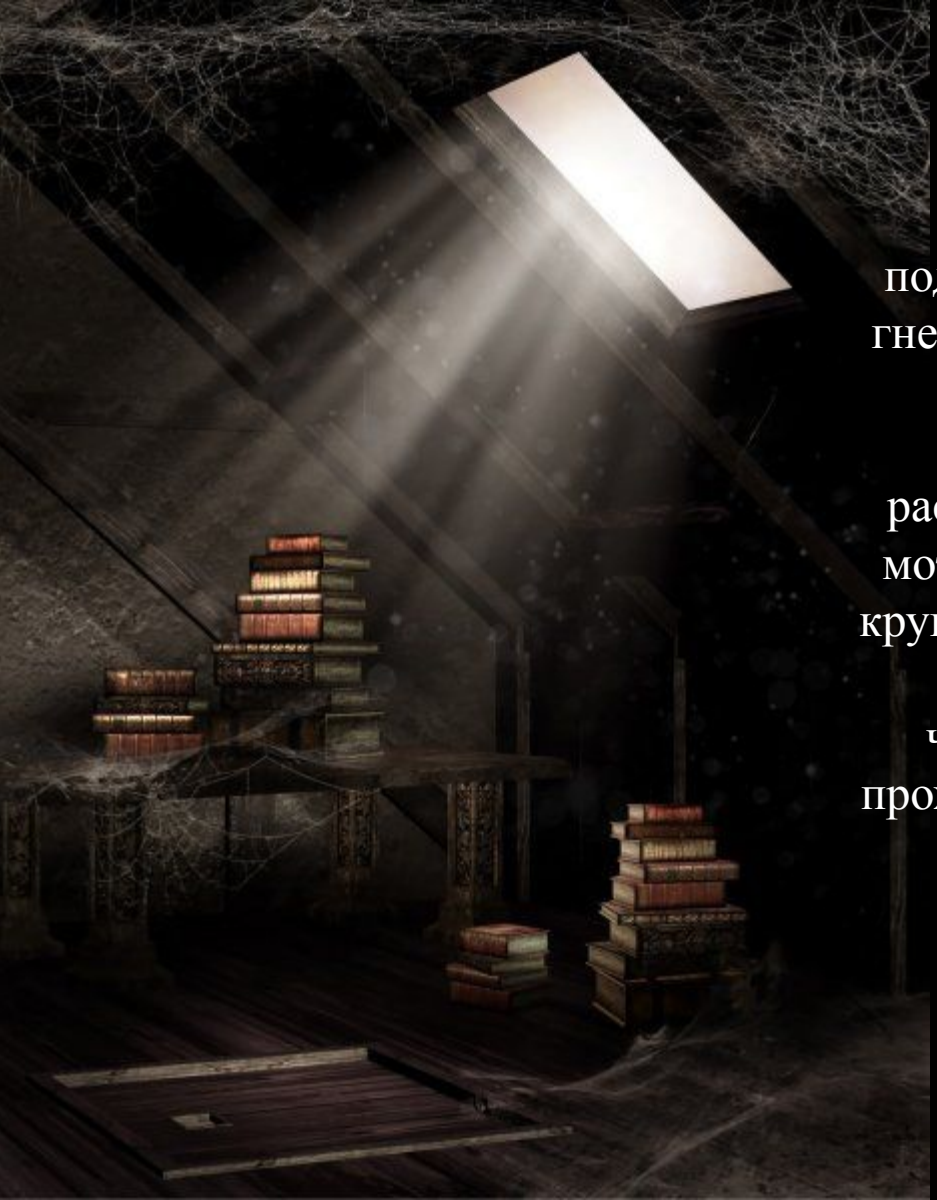
Единственным украшением участка была старая раскидистая яблоня, неизменно радовавшая богатым урожаем сочных, крупных наливных плодов.

По утрам я любил пить горячий горький кофе на открытой веранде под пение невидимых в густой листве птиц, просматривая при этом почту на компьютере. Однажды почта оказалась заблокирована, а пароль я, как назло, забыл!

К счастью, на чердаке дома хранилась среди прочего старинная, принадлежавшая еще деду, записная книжка, в которой и я иногда делал пометки. В ней я надеялся найти забытый пароль от почты.

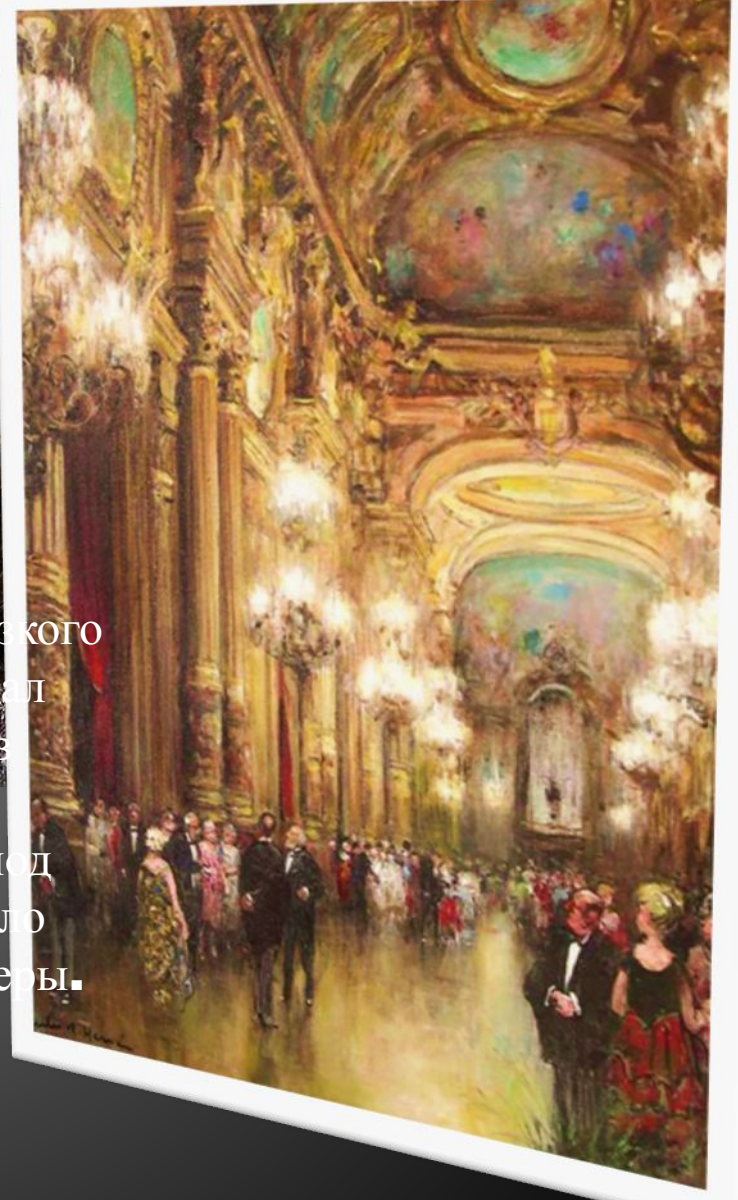
Рассохшиеся ступени под тяжестью моих неловких шагов недовольно вздыхали, хрипели, стонали.

Покосившаяся **дверь нехотя уступила,** и в глаза мне ударил упругий солнечный луч.



Светившийся пылью и паутиной чердак жил собственной, обособленной жизнью. Там приятно, в раздумьях, проводили время пестрые большеглазые пауки-охотники; поддерживали уют в пепельных конусообразных гнездах бесконечно занятые труженицы-осы. По-домашнему жужжали деловитые мухи, не подозревающие о том, что ловушки для них расставлены, а охотники не дремлют. Мохнатые мотыльки грели толстые лапки на теплом стекле круглого оконца. Я пришел туда без приглашения и невольно нарушил гармонию маленького чердачного мира - всего лишь незваный гость, прохожий в жизни настоящих владельцев чердака.

В поисках записной книжки мне пришлось разворошить не одну стопку аккуратно сложенных бумаг: там были наполовину разгаданные потрепанные кроссворды, яркие цветные иллюстрации и мои юношеские литературные опыты, когда меня еще вдохновляли дедушкины рассказы об опасных путешествиях по бесконечной тайге, об одиноких усталых пассажирах на затерянных в тягучем тумане перронах.



Воспоминания легко поглотили меня. Очнулся я от резкого запаха масляной краски, которой маляр щедро покрывал забор соседского дома. Я вернулся издалека, совершив путешествие во времени, и обнаружил рядом с собой потертую записную книжку, между страниц которой под слоем сероватой пыли сверкало, переливалось и звенело золотом и хрусталем царственное фойе Парижской оперы.

Я возвратился на прохладную веранду, прихватив записную книжку с открыткой и оставив в покое потревоженный чердачный мир, распахнул пошире окна. Фиолетовые сумерки плавно опускались на сказочный дом и притихший сад. Бесшумно шелестели белоснежные занавески. С глухим стуком падали на влажную землю тяжелые перезрелые темно-красные яблоки.

Пароль я так и не вспомнил. В записной книжке его не оказалось.

Да он мне был уже и не нужен.